российский фонд помощи/www.rusfond.ru

● **«Если трансплантация** костного мозга пройдет благополучно, Артем будет жить»,— говорит доктор Михаил Масчан. Эта пересадка обойдется в €32 тыс.

Лев Амбиндер
РУКОВОДИТЕЛЬ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Десять лет спустя

В эти дни Российскому фонду помощи (РФП) исполняется десять лет. 1 октября 1996 года вышла в свет первая подборка писем-просьб, подготовленная фондом. Страницы РФП быстро завоевали доверие читателей: когда через два года в России случился дефолт, размеры пожертвований только росли. Подопечных фонда поддерживают десятки тысяч граждан, компании и банки, зарубежные и наши фонды. Спасены тысячи детей и взрослых. Объем сборов с начала проекта превысил $12 млн, превратив РФП в ведущего фандрайзера России.

● *РФП является журналистским проектом издательского дома «Коммерсантъ». Просьбы о помощи в оплате лечения детей, на которое не распространяются государственные квоты, являются главным содержанием страниц РФП в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru (открыт в 2001 году). С 2000 года фонд ограничил тематику публикаций несколькими направлениями в медицине и социальной защите. Помогая благотворительности десятков тысяч читателей „Ъ“ и спасению тысяч детей, фонд видит свою миссию еще и во внедрении высоких технологий и развитии медцентров России.*

«Я хотела б родиться в Томске» — это стихотворение с такой вот первой строчкой мне на прошлой неделе прочли в Томске. Там впервые по просьбе РФП департамент здравоохранения и местные кардиохирурги — партнеры РФП принимали новосибирских хирургов-ортопедов, тоже наших партнеров. Об этом ниже, а пока вот что: стихи написала 15-летняя девочка из Бийска (Алтайский край) Лия Еремина. Сирота, она всегда жила в этом городке у бабушки и вряд ли знала о Томске больше положенного из учебника географии. Она выросла с больным сердцем, и это казалось нормальным, потому что было неизменно. Но вот приехали в Бийск томские кардиологи, осмотрели Лию и еще сотню детей и предложили такую операцию, что на следующий день после нее Лия запела прямо в палате. А еще через пять дней ее выписали, сказав на дорогу, что все это счастье оплатил один хороший человек. Лия и сейчас уверена, что этот человек тоже из Томска. Хотя он москвич, я-то знаю.

Это «Я хотела б родиться в Томске» сидит во мне как заноза, потому что в ней и чудо избавления от вечной боли, и искреннее удивление: ты, оказывается, кому-то еще дорог кроме бабушки, и эти чужаки спасли тебя и стали родными. И еще потому, что это все жуть, нелепость какая-то! Давно существует технология спасения таких детей с врожденными пороками сердца. Да, дорогая, да, государством не оплачивается, но есть же фонды, просто люди, готовые платить, а несчастные семьи об этом узнают случайно, и то когда пара томских кардиологов однажды приезжает в Бийск поискать пациентов.

Они отправились на Алтай, потому что в Томске им уже не хватало больных под наши пожертвования, в этом все дело!

До сих пор мне казались забавными конференции с повесткой типа «можно ли использовать благотворительность в пиар-целях?», которые все еще на полном серьезе проводят в Москве и далее, до самых до окраин. Теперь они мне кажутся не забавными, а вредными. Да, есть филантропы, считающие, что пиар тут неуместен. Они методично, на сотни тысяч долларов оплачивают лечение детей. Тут негазетная работа, эти филантропы ищут больных «не для печати». Я махнул рукой на негазетный формат. Но стихийная почта фонда не покрывает такие предложения — вот проблема. Решить ее без пиара, то есть без связей с самой широкой общественностью, нельзя.

Как минимум пять последних лет нам не хватает стихийной почты. То есть писем в почте стало больше, но и благотворительные сборы выросли впятеро (с $716 тыс. в 2002 году до ожидаемых $3,5–4 млн в 2006 году). Тогда-то мы и стали отбирать клиники-партнеры по принципу «один диагноз, одна больница, одна бухгалтерия». В «наших» клиниках поток больных резко вырос. Но предложений помощи было по-прежнему больше. Нынче с мая мы удвоили число публикаций в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. И все равно подчас нам труднее найти нуждающегося в «дорогостое», чем деньги на его лечение. Я рассказал об этом одному популярному писателю из постоянных друзей фонда. Писатель не поверил. А как же, говорит, телевизор? Нам же ежедневно внушают, что тысячи больных детей годами стоят в очередях на бесплатное лечение. А вы ищете кому помочь?!

Да, именно так. В Европейской России, в Сибири, на Дальнем Востоке больные не знают о новых возможностях, к примеру, наших партнеров Томского НИИ кардиологии и Новосибирского НИИТО. А есть еще «наши» клиники в Петербурге и Москве, в Ярославле и Уфе.

За три последних года я побывал во многих кабинетах Минздравсоцразвития РФ и Росздрава, писал в губернии, обращался даже к полпреду президента РФ в Сибирском федеральном округе в надежде на административный ресурс распространения информации. Зря надеялся. Пять лет назад чины Минздрава РФ не подозревали о существовании РФП, теперь они не знают, что с нами делать.

А может, оно и к лучшему? Пусть Минздрав, господин Квашнин со товарищи думают свою государственную думу о благе народном в целом, а наши клиники сами прокладывают путь в соседние регионы. Это движение к соседям уже началось, и это, может быть, главная новость десятого года существования РФП. Оба «наших» сибирских НИИ сейчас учатся в «чужих» регионах маркетингу и партнерству с тамошними властями. Учатся зарабатывать.

На прошлой неделе они впервые встретились в Томске. Новосибирцы консультировали томских больных сколиозом, набирая пациентов, а вместе хирурги обсуждали возможности экспансии в регионы Сибири и Дальнего Востока. Новосибирцы уже осваивают Читинскую область (по заявке наших читателей!) и предлагают томичам свои тамошние связи. А томичи создают новосибирцам условия для набора больных на своей территории. Об этом заявил на встрече начальник томского департамента здравоохранения Альберт Адамян.

Вот вам и «Я хотела б родиться в Томске»…

Слишком родная кровь

Артему Баландину нужна неродственная трансплантация

Мальчику три года. У него такой лейкоз, который не лечится химиотерапией, а лечится только трансплантацией костного мозга. К счастью, старший брат подошел Артему в доноры, и трансплантация была проведена. К несчастью, старший брат подошел Артему в доноры слишком точно. Организм Артема не распознал после трансплантации, что костный мозг в нем — новый. И лейкоз вернулся.

Я тихонько стою в процедурной Института детской онкогематологии и смотрю, как Артему промывают катетер, введенный в подключичную вену. Мальчик лежит на столе. Он раздет до пояса. Чтобы не мешать доктору манипулировать с катетером, мальчик засунул руки в карманы брюк. И еще у него смешные носки: на пятках по-английски написано «чемпион по беготне». Молоденькая доктор и молоденькая медсестра склоняются над ним, а папа держит его за плечи. Доктор говорит:

— Не кричи, не кричи, мой миленький, я пока не от тебя пластырь отлепляю, а от другого пластыря.

Детям, больным раком крови, чтобы не делать каждый день множество уколов, вводят в подключичную вену катетер. Трубку катетера прилепляют к груди огромным куском специального пластыря. Этот пластырь оранжевый, особо прочный и особо липкий. Он хорош тем, что не отлепляется, когда ребенок ворочается во сне или когда играет. Катетер под этим пластырем в безопасности. Но время от времени катетер нужно промывать. И тогда следует отлепить пластырь. Это больно. Артем совершенно уверен, будто самое ужасное, что может произойти с ним,— это отдирание пластыря. На самом деле он ежедневно получает переливания крови, без которых не может жить. На самом деле назавтра у него операция, ему удалят селезенку. На самом деле ему нужно найти неродственного донора костного мозга за €15 тыс., сделать повторную трансплантацию и потом найти еще €17 тыс. на лекарства, чтобы после трансплантации выжить.

Доктор, которая склоняется сейчас над Артемом, рассказывала мне, что год назад, когда мальчик поступил в клинику, она уже знала, что ему понадобится трансплантация. Ювенильный миеломоноцитарный лейкоз химией не лечится. К счастью, старший брат Артема, десятилетний Илья, подошел в доноры. Они живут в Перми. Бабушка привезла Илью из Перми. И он, конечно, боялся, что вот станут под общим наркозом выкачивать из тазовых костей костный мозг толстой иглой, но папа сказал ему: «Не бойся, ты же подвиг совершаешь и даришь жизнь».

Перед трансплантацией в теле Артема мощной химией был уничтожен его собственный костный мозг. Потом ему в кровь был введен костный мозг Ильи. Обычно в таких случаях возникает реакция отторжения. Организм понимает, что в него введены чужие клетки. Реакцию отторжения подавляют специальными препаратами, и кроветворение начинается клетками донора как бы с чистого листа. Но в случае Артема и Ильи отторжения не возникло. Организм Артема признал клетки Ильи не просто похожими на свои, а своими. Никакого чистого листа. Никакой новой крови. Где-то в теле Артема, вероятнее всего, в селезенке, сохранились, несмотря на химию, несколько раковых клеток. Они размножились и пожрали донорский костный мозг точно так же, как за год до этого пожрали свой.

Мальчик лежит на столе в процедурной и сдерживает крик. Он говорит:

— Папа, вытри мне слезку.

Когда Артем заболел, его мама была беременна третьим ребенком. Она не могла, да никто бы и не разрешил ей сидеть в больнице с Артемом. Беременная женщина и уж тем более женщина с младенцем не способна ухаживать за ребенком, больным раком крови и требующим неусыпного внимания. С первого дня своей болезни Артем лежит в больнице с папой.

Папа Артема Сергей работал в Перми водителем электропогрузчика. Он не был на работе год. Его, слава богу, не уволили и, слава богу, все еще оплачивают больничный. Весь этот год Артем провел у Сергея на руках. За весь этот год Сергей только однажды видел своего новорожденного младшего сына. Еще за этот год Сергей стал фельдшером. Он довольно ловко помогает доктору и медсестре промывать катетер: брызгает где надо спиртом, подает какие надо шприцы, вытирает мальчику слезы стерильной салфеткой.

— Сейчас будет немножко больно,— говорит доктор, принимаясь отдирать пластырь.

Папа держит Артема за локти. Мальчик извивается и кричит. Страшно кричит открытым горлом. В этот самый момент в кармане у Сергея начинает звонить мобильный телефон. Сергей держит мальчика за локти и улыбается, и говорит сыну:

— Мама звонит, больше некому. Что она там, в Перми, слышит, что ли, как ты кричишь?

Валерий Панюшкин

Артем совершенно уверен, будто самое ужасное, что может произойти с ним,— это отдирание пластыря. На самом деле ему нужно найти донора костного мозга за €15 тыс. для трансплантации и потом найти еще €17 тыс. на лекарства, чтобы после трансплантации выжить
ФОТО ИЛЬИ ПИТАЛЕВА

ДЛЯ СПАСЕНИЯ АРТЕМА БАЛАНДИНА НЕ ХВАТАЕТ 795 376 РУБ.

По словам заведующего отделением общей гематологии Российской детской клинической больницы Михаила Масчана, ювенильный миеломоноцитарный лейкоз Артемки «агрессивный и быстро прогрессирующий». Его особенность еще и в том, что больные клетки устойчивы даже к высокодозной химиотерапии. «Известно, что при этой форме лейкоза,— говорит доктор Масчан,— иммунологический эффект при пересадке от родственного донора, как правило, ниже, чем от неродственного. Но если есть возможность трансплантации от родственника, начинают все-таки с нее. Все-таки высока возможность излечения. Но Артему не повезло. Выход один — трансплантация от неродственного донора». И вот заключение доктора Масчана: «Если трансплантация пройдет благополучно, Артем будет жить».

Поиск и активация неродственного донора в германском Фонде Стефана Морша, как всегда, обойдутся в €15 тыс. И еще €17 375 требуется на послепересадочную терапию и расходные материалы. Итого: 1 102 690 руб. Как всегда, наш постоянный партнер компания «Ингосстрах» внесет $11 500. Таким образом, для спасения Артема не хватает 795 376 руб.

Сложность в том, что такой большой суммы для спасения ребенка от лейкоза нам еще не приходилось собирать. Поэтому каждый взнос, даже самый скромный, будет тут кстати. Крупные суммы в евро можно перечислить напрямую в Германию. Лекарственные препараты поставит московская фирма за рубли. Помощь можно также перечислить на московскую сберкнижку отца мальчика Сергея Баландина, которую мы открыли на его имя. Все реквизиты есть в фонде.

Экспертная группа Российского фонда помощи

Считаем на пальцах: Катя, плюс Евгений, плюс еще Катя

Ярославская больница имени Соловьева вызывает Катю Тяшко на госпитализацию в последнюю декаду октября. На октябрь, как сообщил нам заместитель главврача больницы Юрий Филимендиков, запланирована и первая операция, а «весь цикл оперативного лечения может растянуться на год, в зависимости от возможных осложнений». Это та самая двухлетняя Катя, у которой с рождения нет пальцев на обеих руках и о которой „Ъ“ рассказал 18 сентября («Объясняем на пальцах»).

Собранных читателями „Ъ“ денег для Кати Тяшко хватит, чтобы спасти руку 25-летнему Евгению Ершову и 17-летней Кате Ларионовой ФОТО ИЛЬИ ПИТАЛЕВА

На цикл операций для Кати удалось собрать 1263 300 руб.— на 328 800 руб. больше. Эти деньги пойдут на оперативное лечение в этой больнице 25-летнего ярославца Евгения Ершова и 17-летней Кати Ларионовой из Костромской области. Евгений шесть лет назад на срочной службе в Чечне получил тяжелое ранение в правое плечо. Позади шесть операций, руку спасти удалось, а вот поврежденное «плечевое сплетение» не работает, и рука висит плетью, а кисть совсем отказала. Евгений женат, сыну полтора года. Теперь врачи рассчитывают «вернуть солдату руку в рабочее состояние». Операция оценена в 196 тыс. руб. А Кате Ларионовой надо удалить ребро, на нем обнаружена доброкачественная опухоль, и она серьезно угрожает правой руке. Настолько серьезно, что Катя может лишиться руки. В московских клиниках Кате, цитируем по ее письму, почему-то отказали в операции по госквоте, а в родной Костроме лечить не взялись. Зато спасти руку и удалить ребро взялись ярославцы (127 тыс. руб.).

И вот еще добрые новости последних двух недель.

Оплачены: операции по поводу врожденных пороков сердца томичам Руслану Федянину (6 лет, 186 600 руб.), Саше Овчинниковой (13 лет, 198 200 руб.), Олегу Непомнящих (1 год, 181 196 руб.), алтайцам Тане Кадочниковой (10 лет, 151 196 руб.), Паше Еранакову (4 года, 151 196 руб.) и Богдану Доротову (11 месяцев от роду, 151 196 руб.), а также Коле Синельникову (17 лет, 79 640 руб., Казахстан), Марии Санакоти (32 года, 192 800 руб., Северная Осетия), Диме Каляганову (8 лет, 182 290 руб., Самарская обл.); операции по поводу сколиоза стоимостью 185 384 руб. Грете Ситник (15 лет, Новосибирская обл.), Жене Давыдову (14 лет, Алтайский край), Валентину Ситникову (16 лет, Казахстан), а также Наташе Долгиер (16 лет, 65 265 руб., Пермский край) и петербуржцам Ирине Юрьевой (15 лет, 69 390 руб.) и Олегу Свирскому (12 лет, 155 376 руб.); лечение детского церебрального паралича москвичам Ване Васильеву (3 года, 162 500 руб.) и Егору Овчинникову (4 года, 188 тыс. руб.), Илье Чубареву (2 года, 112 800 руб., Ивановская обл.), Толе Чиркину (5 лет, 150 400 руб., Самарская обл.); челюстно-лицевые операции Ксении Ямских (17 лет, 125 тыс. руб., Красноярский край), Ане Суходубовой (4 года, 85 тыс. руб., Курская обл.).

Отправлено: 146 тыс. руб. на операцию по поводу паралича правой руки Алене Пожидаевой (2 года, Краснодарский край); 111 800 руб. на слухопротезирование Резеде Ахмадуллиной (11 лет, Башкирия); 64 292 руб. на инвалидную коляску и компьютер Евгению Мащенко (38 лет, инвалид 1-й группы, Ростовская обл.); 51 115 руб. на спецтопометрию для лучевой терапии Саргылане Андросовой (12 лет, Якутия) и Ане Борцановой (17 лет, Саратовская обл.); 37 тыс. руб. и вещевую посылку семье Валентины Сурановой (48 лет, инвалид 2-й группы, Пермский край).

Помогли: благотворительный фонд «Русский дар жизни» (США), Виктория от руководителя, фирма «БЭСКИТ», Алексей и Анна, Кирилл, Аля (все — Санкт-Петербург), Айрат (Казань), инвестиционная группа «Капиталъ», благотворительный фонд «Джойнт», группа компаний «Компьюлинк», ЗАО «ТПГ „Кунцево“», Герман, Вадим Анатольевич, Эрика и Григорий, Алексей, Екатерина и Игорь, Владислав, Филипп, Дмитрий Николаевич, Юлия, Геннадий, четыре Андрея, Иван Викторович, Александр Семенович, Александр Анатольевич, Валерия, Ольга, два Александра, Марина, Елена, Аркадий, Валерий Геннадьевич, Наталья, Дмитрий, Игорь Сергеевич, Евгения, семья Липатовых, Игорь, Ирина и Евгений Геннадьевич, Антон, Денис, Инна, Олег, Вениамин (все — Москва).

Спасибо!

Из свежей почты

Аня Морозова, 6 лет, гипертелоризм 4-й степени, расщелина носа, требуется хирургическое лечение. 145 тыс. руб.

От людей чего не услышишь: один жалеет, другой пугается. Я очень люблю Анечку. Дочка общительная и добрая, умственно развита не по годам. Она не виновата, что родилась с черепно-мозговой грыжей. В Казахстане, где мы жили, Ане не помогли, и я с ребенком приехала к брату под Саратов. Отец Аню не признал, а здесь я вышла замуж и полгода назад родила сына Илью. В облбольнице Анечке убрали грыжу, лоб выпрямился, но расщелина в костях черепа осталась: глазницы далеко друг от друга, отчего развивается косоглазие и дыхание нарушено. В ноябре 2004 года мы были у профессора Рогинского. Он сказал, надо как можно быстрее глазки на место поставить и устранить дефект носа, а когда кости затвердеют, нос можно окончательно скорректировать. Но мы так и не нашли денег на лечение: у мужа 4600 руб., пенсия Ани 3250 руб., а я декретных не получаю, ведь работала продавцом у частника без соцпакета. Аня уже пошла бы в школу, но боюсь, задразнят. А после операции она станет красивой девочкой! *Галина Морозова, Саратовская область.*

Руководитель Центра детской челюстно-лицевой хирургии Виталий Рогинский (Москва): «Гипертелоризм — редкое врожденное заболевание: глазницы не сблизились, кости носа не срослись. После реконструкции лобно-глазничного носового комплекса у Ани будет нормальное лицо».

Миша Сысоев, 4 года, детский церебральный паралич, спастика, требуется курсовое лечение. 143 100 руб.

Внимание! Благотворительный фонд «Джойнт» внес 47 000 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 96 100 руб.

В 38 лет я легко перенесла беременность, но Мишутка родился раньше срока, в асфиксии. Диагностировали энцефалопатию, а потом и ДЦП. Лекарства, массажи, уколы — все было. От беготни с коляской на 4-й этаж у меня образовалась межпозвонковая грыжа. С жуткими болями я оказалась на операционном столе. А через три месяца — рак груди. Диагноз приняла без истерик, старалась, чтобы муж и дочь видели меня спокойной. А сама, глядя на малыша, умирала от горя. Больше года химиотерапия, облучение, операция. Но даже в самые тяжелые дни мы занимались Мишей. Он уже ползает, сам сидит, стоит с поддержкой, на лошади ездит. Но не ходит и не говорит. Один курс в Институте медтехнологий (ИМТ), пожалев нас, провели бесплатно. Миша сразу окреп, начал откликаться на свое имя. Лечение надо продолжать, но средств нет. Я инвалид, муж в фирме мобильной связи зарабатывает 24 тыс. руб., все уходит на лечение. Помогите! *Елена Сысоева, Калининградская область.*

Невролог ИМТ Ольга Тарасова (Москва): «У Миши тяжелая форма тетрапареза. После первого курса и впрямь есть хороший сдвиг: он начал вступать в контакт, узнавать родных. Надо добиться развития речи и двигательных навыков».

Света Верх, 10 лет, врожденный сколиоз 4-й степени, добавочный полупозвонок, нужна операция. 185 384 руб.

Внимание! Русь-банк внес 75 000 руб. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 110 384 руб.

Света — мой младший, шестой ребенок, родила ее в 42 года, родилась недоношенной и с лишним клиновидным полупозвонком. Об этой аномалии я узнала три года назад, когда нам диагностировали сколиоз. Попытки консервативного лечения успехом не увенчались. С увеличением дуги позвоночника на 1 см укоротилась нога. Света учится в четвертом классе, умная девочка, много читает. Вот только ходить ей тяжело, спина болит. Операцию, по словам врачей, надо было делать сразу, в семь лет, но в нашем городе хирурги не взялись. Мы обратились в Новосибирск, там готовы помочь. Но средств на оплату металлоконструкции нет. Мы с дочкой живем на две пенсии, муж полтора года назад скончался от тромбоэмболии легочной артерии. У старших детей свои семьи, один сын студент-медик, другой врач, остальные рабочие. Мы со Светой уповаем на вашу поддержку. *Елена Верх, Амурская область.*

Завотделением Новосибирского НИИТО Михаил Михайловский: «Девочке всего 10 лет, а сколиоз уже превысил 60 градусов, это опасно много. Предотвратить новые неизбежные осложнения может лишь операция».

Ира Левашова, 1 год, акушерский паралич Эрба-Дюшенна, требуется операция. 146 тыс. руб.

Роды у меня были трудные, и дочке повредили шейный отдел позвоночника. У нее была кривая шея, и пальчики на правой руке не шевелились. Мы отвезли Ирочку в Ярославль. Там после массажа, физиотерапии и парафиновых обертываний Ира начала немного шевелить пальчиками. Постепенно выпрямили и шею. А правая рука висела плетью, кисть вывернута. Рука согнута в локте, все время отведена вправо, и предметы в ней Ира не удерживает. Уже год мы наблюдаемся в больнице им. Соловьева. Надеялись, консервативное лечение поможет, но летом врачи сказали, что ждать бессмысленно, теперь только операция! Но она стоит большие деньги, нам ее не потянуть. Из-за банкротства завода мы с мужем, инженеры, стали безработными. Муж подрабатывает торговым агентом, ищет постоянную работу, а я сижу с ребенком. Основной доход — пенсия Иры и зарплата моей мамы-учительницы. Надеемся на ваше милосердие и сострадание. *Анна Левашова, Ярославская область.*

Замглавврача больницы им. Соловьева Юрий Филимендиков (Ярославль): «Ире можно помочь. Мы планируем провести несколько этапов лечения одномоментно, под одним наркозом. Переместим широчайшую мышцу спины на плечо для полного восстановления объема движений».

Надя Дорогова, 4 года, врожденный порок сердца, нужна эндоваскулярная операция. 186 600 руб.

Внимание! Фонд «Русский дар жизни» (США) внес $2500. (подробности на www.rusfond.ru). Не хватает 119 850 руб.

Мне 34 года, взвешиваю торты на кондитерской фабрике за 3900 руб. в месяц. Растить дочку помогает 67-летняя мама. С отцом Нади мы не были расписаны, и когда он узнал о моей беременности, ушел. Я очень переживала. Надюшка родилась без осложнений, но в полтора годика простыла, и педиатр услышала шумы в ее сердце. В кардиоцентре нашли аневризму и дефект межпредсердной перегородки. Сначала состояние было удовлетворительным, а весной резко повысился сброс крови через дефект, и врачи сказали, что порок надо скорее закрыть. На операцию с вскрытием груди и остановкой сердца не решаюсь: очень велик риск. Кардиологи рекомендуют щадящее закрытие, через сосуды. Но это стоит безумных для меня денег! И время уходит. Надя все чаще болеет, быстро устает, стала нервной, раздражительной. Очень прошу, помогите! *Елена Данилина, Томская область.*

Ведущий специалист НИИ кардиологии НЦ СО РАМН Сергей Иванов (Томск): «Учитывая расширение камер сердца и выраженный сброс крови, показано закрытие дефекта. Он в центре перегородки, и лучше закрыть его эндоваскулярным методом, с помощью амплатцера. Прогноз благоприятный».

Реквизиты авторов и поставщиков услуг есть в фонде.

ДЛЯ ТЕХ, КТО ВПЕРВЫЕ ЗНАКОМИТСЯ С ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ РОССИЙСКОГО ФОНДА ПОМОЩИ

Российский фонд помощи создан осенью 1996 года для помощи авторам отчаянных писем в «Коммерсантъ». Проверив письма с помощью местной власти, мы публикуем их в „Ъ“ и на сайте www.rusfond.ru. Решив помочь, вы получаете у нас реквизиты авторов и дальше действуете сами. Деньги через нас не ходят. Мы просто помогаем вам помогать. Читателям затея понравилась: всего собрано свыше $12,1 млн.
Мы организуем и акции помощи в дни национальных катастроф: 53 семьям погибших горняков шахты «Зыряновская» (Кузбасс), 57 семьям сгоревших самарских милиционеров, 153 семьям пострадавших от взрывов в Москве и Волгодонске, 118 семьям моряков АПЛ «Курск», 52 семьям погибших заложников «Норд-Оста», 39 семьям погибших 6 февраля 2004 года в московском метро, 100 семьям пострадавших в Беслане. Фонд — лауреат национальной премии «Серебряный лучник».

Адрес фонда: 125252, г.Москва, а/я 50;
www.rusfond.ru; e-mail: rfp@kommersant.ru.
Телефоны: (495) 943-91-35, 158-69-04 с 11.00 до 21.00.

Страница подготовлена при содействии благотворительного фонда «Помощь».